ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
ИССЛЕДОВАНИЕ В ПОЛИТИКЕ РЕКОНСТРУКЦИИ. J. MACKINDER, М.Р.НЬЮ-ЙОРК

Перевод Инициирован Александром Фокиным на русский с английского в силу отсутствия такового и произведен Grok для свободного пользования

1919 Эта книга, какова бы ни была её ценность, является результатом более чем просто лихорадочной мысли военного времени; идеи, на которых она основана, были опубликованы в общих чертах добрых дюжину лет назад. В 1904 году, в статье «Географическая ось истории», прочитанной перед Королевским Географическим Обществом, я набросал Мир-Остров и Хартленд; и в 1906 году я написал в National Review по теме «Человеческая сила как мера национальной и имперской мощи» — статью, которая, я верю, впервые дала распространение термину Man-power. В этом термине подразумевается не только идея боевой силы, но также идея производительности, а не богатства, как фокус экономического рассуждения. Если я теперь осмеливаюсь писать на эти темы несколько более пространно, то потому, что чувствую, что Война подтвердила, а не поколебала мои прежние точки зрения.

ГЛАВА I

ПЕРСПЕКТИВА Наши воспоминания всё ещё полны ярких деталей всепоглощающей войны; между нами и вещами, которые происходили раньше даже в нашей собственной жизни, как будто существует экран. Но время наконец пришло, чтобы принять более широкие взгляды, и мы должны начать думать о нашей длинной Войне как об одном великом событии, водопаде в потоке истории. Последние четыре года были моментальными, потому что они были результатом одного века и прелюдией к другому. Десять лет назад напряжение уже ослабло, и, на языке дипломатии, теперь наступила разрядка. Искушение момента состоит в том, чтобы поверить, что непрекращающийся мир последует просто потому, что усталые люди решили, что больше не должно быть войны. Но международное напряжение снова накопится, хотя и медленно поначалу; было поколение мира после Ватерлоо. Кто среди дипломатов за столом Конгресса в Вене в 1814 году предвидел, что Пруссия станет угрозой для Мира? Возможно ли для нас так выровнять русло будущей истории, чтобы больше не было водопадов? Именно такова, и не меньшая, задача перед нами, если мы хотим, чтобы потомки думали о нашей мудрости не хуже, чем мы думаем о мудрости дипломатов Вены.Великие войны истории — у нас была мировая война примерно каждые сто лет в течение последних четырёх столетий — были результатом, прямым или косвенным, неравномерного роста наций, и этот неравномерный рост не полностью обусловлен большим гением и энергией одних наций по сравнению с другими; в

значительной мере он является результатом неравномерного распределения плодородия и стратегических возможностей на поверхности нашего земного шара. Другими словами, в природе не существует такой вещи, как равенство возможностей для наций. Если я полностью не неправильно читаю факты географии, я бы пошёл дальше и сказал, что группировка земель и морей, плодородия и естественных путей такова, что она способствует росту империй, и в конечном итоге — одной Мировой Империи. Если мы хотим реализовать наш идеал Лиги Наций, которая предотвратит войну в будущем, мы должны признать эти географические реальности и предпринять шаги, чтобы противодействовать их влиянию. В прошлом веке, под влиянием теории Дарвина, люди пришли к мысли, что те формы организации должны выживать, которые лучше всего приспосабливаются к своей естественной среде. Сегодня мы осознаём, выходя из нашего огненного испытания, что человеческая победа состоит в нашем превосходстве над таким простым фатализмом.Цивилизация основана на организации общества таким образом, чтобы мы могли служить друг другу, и чем выше цивилизация, тем более minute (мелкой) становится разделение труда и тем более сложной — организация. Великое и передовое общество имеет, следовательно, мощный момент; не разрушая само общество, вы не можете внезапно остановить или изменить его курс. Таким образом происходит, что за годы до этого отстранённые наблюдатели способны предсказать предстоящее столкновение обществ, которые следуют сходящимся путям в своём развитии. Историк обычно предваряет своё повествование о войне рассказом о слепоте людей, которые отказывались видеть надпись на стене, но факт заключается в том, что, подобно всякому другому «идущему предприятию» (going concern), национальное общество может быть направлено на желаемый курс, пока оно молодо, но когда оно старо, его характер зафиксирован, и оно неспособно к какому-либо большому изменению в своём способе существования. Сегодня все нации мира собираются начать заново; в пределах ли досягаемости человеческого предвидения так установить их курсы, чтобы, несмотря на географическое искушение, они не столкнулись в дни наших внуков?В нашем беспокойстве отвергнуть идеи, исторически связанные с Балансом Сил, нет ли, возможно, некоторой опасности, что мы позволим чисто юридическим концепциям управлять нашими мыслями в отношении Лиги Наций? Наш идеал состоит в том, чтобы справедливость осуществлялась между нациями, будь они великими или малыми, точно так же, как наш идеал состоит в том, чтобы справедливость существовала между людьми, каковы бы ни были различия в их положении в обществе. Чтобы поддерживать справедливость между отдельными людьми, призывается сила Государства, и мы теперь признаём, после неудачи международного права предотвратить Великую Войну, что должна существовать некоторая сила или, как говорят юристы, некоторая санкция для поддержания справедливости между нацией и нацией. Но сила, которая необходима для

господства закона среди граждан, легко переходит в тиранию. Можем ли мы установить такую мировую силу, которая будет достаточна, чтобы соблюдать закон между великими и малыми государствами, и при этом не вырастет в мировую тиранию? Существуют два пути к такой тирании: один — завоевание всех остальных наций одной нацией, другой — извращение самой международной силы, которая может быть создана, чтобы принуждать беззаконную нацию. В нашем великом перепланировании человеческого общества мы должны признать, что мастерство и возможность грабителя являются предшествующими фактами по отношению к Закону о Грабительстве. Другими словами, мы должны рассматривать нашу огромную проблему как деловые люди, имеющие дело с реальностями роста и возможности, а не просто как юристы, определяющие права и средства защиты.Моё усилие на следующих страницах будет состоять в том, чтобы измерить относительную значимость великих особенностей нашего земного шара, испытанных событиями истории, включая историю последних четырёх лет, и затем рассмотреть, как мы можем лучше всего приспособить наши идеалы свободы к этим долговечным реальностям нашего Земного Дома. Но сначала мы должны признать определённые тенденции человеческой природы, проявляющиеся во всех формах политической организации.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНЫЙ МОМЕНТ В 1789 году lucid (ясный, просвещённый) французский народ в своём мозговом городе Париже увидел видения, великодушные видения — Свобода, Равенство, Братство. Но вскоре французский Идеализм потерял свою хватку за Реальностью и был унесён в хватку Судьбы, в лице Наполеона. Своей военной эффективностью Наполеон восстановил порядок, но, делая это, организовал французскую Силу, сам закон существования которой был отрицанием Свободы. История великой Французской Революции и Империи повлияла на всю последующую политическую мысль; она казалась трагедией в старом греческом смысле — катастрофой, предопределённой самим характером Революционного Идеализма.Когда, следовательно, в 1848 году народы Европы снова оказались в настроении видений, их идеализм был более сложной природы. Принцип Национальности был добавлен к принципу Свободы, в надежде, что свобода может быть защищена от чрезмерного организатора независимым духом наций. К сожалению, в том году революций добрый корабль Идеализма снова сорвался с якоря и вскоре был унесён Судьбой, в лице Бисмарка. Своей прусской эффективностью Бисмарк извратил новый идеал германской Национальности точно так же, как Наполеон извратил более простые французские идеалы Свободы и Равенства. Трагедия Национального Идеализма, которую мы только что видели завершённой, однако, не была предопределена беспорядком Свободы, а материализмом, обычно известным как Kultur, организатора. Французская трагедия была простой трагедией краха Идеализма; но германская

трагедия, поистине, была трагедией подставленного Реализма.В 1917 году Демократические Нации всего Земного шара думали, что увидели великий маяк, когда пало русское Самодержавие и Американская Республика вступила в Войну. По крайней мере на время, русская революция пошла обычным революционным путём, но мы всё ещё возлагаем нашу надежду на Универсальную Демократию. К идеалу XVIII века — Свободе, и идеалу XIX века — Национальности, мы добавили наш идеал XX века — Лигу Наций. Если бы должна была последовать третья трагедия, она была бы в огромном масштабе, ибо демократические идеалы сегодня являются рабочим кредо большей части человечества. Немцы со своей Real-Politik, своей политикой реальности — чем-то иным, нежели просто практическая политика — считают такую катастрофу рано или поздно неизбежной. Военный Лорд и прусская военная каста, возможно, сражались просто за сохранение своей власти, но широкие и интеллигентные слои германского общества действовали под убеждением политической философии, которая тем не менее искренне держалась, хотя мы и считали её ошибочной. В этой Войне германские предвидения оказались ошибочными во многих отношениях, но это произошло потому, что мы сделали их таковыми несколькими мудрыми принципами управления и напряжёнными усилиями, несмотря на наши ошибки в политике. Наше самое тяжёлое испытание ещё впереди. Какая степень Международной Реконструкции необходима, чтобы мир долго оставался безопасным местом для демократий? И в отношении внутренней структуры этих демократий, какие условия должны быть удовлетворены, если мы хотим успешно запрячь в тяжёлый плуг Социальной Реконструкции идеалы, которые вдохновляли героизм в этой Войне? Не может быть более важных вопросов. Удастся ли нам трезво сочетать наш новый Идеализм с Реальностью?Идеалисты — соль Земли; без них, чтобы двигать нас, общество скоро бы застаивалось, а цивилизация увядала. Идеализм, однако, был связан с двумя очень разными фазами темперамента. Старые идеализмы, такие как буддизм, стоицизм и средневековое христианство, основывались на самоотрицании; францисканские монахи давали обет Безбрачия, Бедности и Служения. Но современный демократический идеализм, идеализм Американской и Французской революций, основан на самореализации. Его цель состоит в том, чтобы каждое человеческое существо жило полной и самоуважающей жизнью. Согласно преамбуле Американской Декларации Независимости, все люди созданы равными и наделены правами на свободу и стремление к счастью.Эти две тенденции идеализма исторически соответствовали двум развития реальности. В старые времена власть природы над человеком всё ещё была велика. Жёсткая реальность ставила пределы его амбициям. Другими словами, мир в целом был беден, и смирение было единственной общей дорогой к счастью. Немногие, без сомнения, могли получить некоторый простор в жизни, но только ценой крепостничества многих. Даже так называемая Демократия Афин и платоновская Утопия основывались на домашнем и промышленном рабстве. Но современный

мир богат. В немалой степени человек теперь контролирует силы природы, и целые классы, прежде смирившиеся со своей судьбой, прониклись идеей, что при более справедливом разделении богатства должно быть более близкое приближение к равенству возможностей.Эта современная реальность человеческого контроля над природой, помимо которой демократические идеалы были бы тщетны, не полностью обусловлена прогрессом научного знания и изобретений. Больший контроль, которым теперь обладает человек, является условным, а не абсолютным, как контроль природы над человеком посредством голода и чумы. Человеческое богатство и сравнительная безопасность сегодня основаны на разделении и координации труда в сложном растении, которое заменило простые инструменты примитивного Общества. Другими словами, выпуск современного богатства обусловлен поддержанием нашей социальной организации и «капитала». Общество является «идущим предприятием» (going concern), и немалая часть нашего благополучия может быть сравнима с неосязаемым «гудвиллом» бизнеса. Владелец бизнеса зависит от привычек своих клиентов не меньше, чем от регулярной работы машин на его фабрике; и то, и другое должно поддерживаться в исправности, и когда они в исправности, они имеют ценность «идущего предприятия»; но если бизнес останавливается, они имеют лишь ликвидационную ценность — машины становятся просто ломом металла, а гудвилл сводится к книжным долгам.Общество покоится на факте, что человек является существом привычки. Посредством сцепления различных привычек многих людей общество получает структуру, которую можно сравнить со структурой работающей машины. Миссис Баунсер смогла образовать простое общество для занятия комнаты, потому что Бокс спал ночью, а Кокс днём, но её общество было дезорганизовано, когда один из её жильцов взял отпуск и на время изменил свою привычку. Пусть кто-нибудь попробует представить, что произошло бы с ним самим, если бы все, от кого он зависит — почтальоны, железнодорожники, мясники, пекари, печатники и очень многие другие — внезапно изменили свои установившиеся routines; тогда он начнёт понимать, в какой огромной степени сила современного человека над природой обусловлена тем фактом, что общество является «идущим предприятием», или, на языке инженера, имеет момент.Остановить работу достаточно надолго, чтобы выбить привычки людей из сцепления друг с другом, и общество быстро скатилось бы к простой реальности контроля со стороны природы. Огромное число людей умерло бы в результате.Производительная сила, короче говоря, является гораздо более важным элементом реальности в отношении современной цивилизации, чем накопленное богатство. Общее видимое богатство цивилизованной страны, несмотря на древность некоторых из её сокровищ, обычно оценивается как равное выпуску не более семи или восьми лет. Значение этого утверждения заключается не в его точной точности, а в быстром росте его практического смысла для современных людей вследствие их зависимости от механизма производства,

механического и социального, который за последние четыре или пять поколений стал всё более delicate и сложным. За каждым продвижением в применении науки происходило соответствующее изменение в социальной организации. Это было не простым совпадением, что Адам Смит обсуждал разделение труда в то время, когда Джеймс Уатт изобретал паровую машину. И в наше время это не слепое совпадение, что рядом с изобретением двигателя внутреннего сгорания — ключа к автомобилю, подводной лодке и аэроплану — должна быть поставлена беспрецедентная экспансия системы кредита. Смазка металлических машин зависит от привычек живых людей. Предположение некоторых научных энтузиастов, что изучение гуманитарных искусств перестало быть важным, не выдерживает проверки; управление людьми, высокими и низкими, является более трудным и более важным в условиях современной реальности, чем когда-либо прежде.Мы описываем управляющих социальной машиной как Организаторов, но под этим общим термином обычно подразумеваются две distinct категории. Во-первых, у нас есть Администраторы, которые строго говоря вообще не являются организаторами — то есть создателями новых органов в организме. Функция администратора состоит в том, чтобы держать работающую социальную машину в исправности и следить за её смазкой. Когда люди умирают или по причинам плохого здоровья или старости уходят в отставку, его долг — заполнить вакантные места людьми, suitably обученными заранее. Мастер на производстве по сути является администратором. Судья администрирует Закон, за исключением той степени, в которой на практике, хотя и не в теории, он может его создавать. В работе администратора, чистого и простого, нет идеи прогресса. При данной организации эффективность является его идеалом — совершенная гладкость работы. Его характерная болезнь называется «Красной лентой». Сложное общество, хорошо администрируемое, фактически склонно к китайской стагнации самой силой своего момента. Гудвилл давно установленного и хорошо управляемого бизнеса часто может быть продан за большую сумму на рынке.Возможно, самым ярким примером социального момента является неподвижность самих рынков. Каждый продавец желает идти туда, где покупатели имеют привычку собираться, чтобы быть уверенным в покупателе для своих товаров. С другой стороны, каждый покупатель идёт, если может, туда, где продавцы имеют обыкновение собираться, чтобы купить дёшево в результате их конкуренции. Власти часто пытались тщетно децентрализовать рынки Лондона.Чтобы оценить другой тип организатора, создателя социального механизма, давайте снова на минуту рассмотрим обычный ход Революций. Вольтер критикует работающее предприятие, известное как Французское Правительство; Руссо рисует идеал более счастливого общества; авторы великой Энциклопедии доказывают, что материальные основы для такого общества существуют. Вскоре новые идеи овладевают некоторыми благонамеренными энтузиастами — однако неопытными в трудном искусстве изменения привычек среднего человечества. Они хватают возможность изменить

структуру французского общества. Между прочим, но к несчастью, они замедляют его работу. Остановка работы, фактическая поломка инструментов производства и управления, удаление опытных администраторов и замена неподходящими любителями объединяются, чтобы снизить темп производства предметов первой необходимости, в результате чего цены растут, а уверенность и кредит падают. Революционные лидеры, без сомнения, достаточно готовы быть бедными некоторое время, чтобы реализовать свои идеалы, но голодные миллионы поднимаются вокруг них. Чтобы выиграть время, миллионы склоняются к подозрению, что нехватка вызвана каким-то вмешательством свергнутых властей, и Террор неизбежно следует.Наконец люди становятся фаталистами и, оставляя идеалы, ищут какого-нибудь организатора, который восстановит эффективность. Необходимость усиливается тем фактом, что иностранные враги вторгаются на национальную территорию, и что меньшее производство и ослабленная дисциплина снизили оборонительную силу Государства. Но организатор, необходимый для задачи реконструкции, — это не просто администратор; он должен быть способен проектировать и создавать, а не просто ремонтировать и смазывать социальную машину. Таким образом, Карно, который «организовал победу», и Наполеон со своим Code Civil выигрывают вечную славу созидательным усилием.Возможность организации в конструктивном смысле зависит от дисциплины. Работающее общество конституировано мириадами сцеплений различных привычек многих людей; если работающая социальная структура должна быть изменена, даже в каком-то относительно небольшом отношении, большое число мужчин и женщин должно одновременно изменить различные из своих привычек взаимодополняющими способами. Было невозможно ввести Летнее время иначе как указом Правительства, ибо любое частичное соблюдение изменения часа бросило бы общество в confusion. Достижение Летнего времени, следовательно, зависело от социальной дисциплины, которая, таким образом, видится состоящей не в привычках людей, а в силе одновременного и коррелированного изменения этих привычек. В упорядоченном Государстве чувство дисциплины становится врождённым, и полиция призывается лишь редко, чтобы принудить к ней. Другими словами, социальная дисциплина, или изменение привычки по воле или приказу, сама становится привычкой. Военная дисциплина, поскольку она состоит из отдельных актов по команде, является более простого порядка, но профессиональный солдат хорошо знает разницу между привычной дисциплиной и даже самой интеллигентной борьбой быстро обученных людей.В времена беспорядка сцепление производительных привычек ломается шаг за шагом, и общество в целом становится прогрессивно бедным, хотя грабители того или иного рода могут на время обогащаться. Ещё более серьёзным, однако, является отказ привычки дисциплины, ибо это подразумевает потерю силы восстановления. Рассмотрите, до какого состояния была доведена Россия за год кумулятивных революций; её состояние было подобно тому ужасному состоянию

паралича, когда ум всё ещё видит и направляет, но нервы не могут вызвать никакого ответа от мышц. Нация не умирает, когда так поражена, но весь механизм её общества должен быть реконституирован, и это быстро, если мужчины и женщины, которые переживают её обеднение, не должны забыть привычки и потерять способности, на которых зависит их цивилизация.История не показывает никакого средства, кроме силы, на которой основать свежее ядро дисциплины в таких обстоятельствах; но организатор, который опирается на силу, неизбежно склонен рассматривать восстановление просто как эффективность как свою цель. Идеализм не процветает под его правлением. Именно потому, что история ясно говорит в этом отношении, так много идеалистов последних двух поколений были интернационалистами; военное восстановление дисциплины обычно достигается либо завоеванием с другой национальной базы, либо попутно с успешным национальным сопротивлением иностранному вторжению.Великий организатор — это великий реалист. Не то чтобы ему не хватало воображения — очень далеко от этого. Его воображение склоняется к «способам и средствам», а не к ускользающим целям. Это ум Марфы, а не Марии. Если он Капитан Промышленности, счётчиками его мысли являются труд и капитал; если он Генерал Армий — это единицы и припасы. Его организация направлена на промежуточные цели — деньги, если он промышленник, и победу, если он солдат. Но деньги и победа — это лишь ключи к ulterior целям, и эти ulterior цели остаются ускользающими для него на протяжении всего. Он умирает, всё ещё делая деньги, или, если он победоносный солдат, плачет, как Александр, потому что больше нет миров для завоевания. Его единственная забота состоит в том, чтобы бизнес или армия, которую он организовал, эффективно администрировалась; он жёсток по отношению к своим администраторам. Превыше всего он ценит привычку дисциплины; его машина должна promptly отвечать на рычаг.Организатор неизбежно приходит к тому, чтобы смотреть на людей как на свои инструменты. Его ум является обратным уму идеалиста, ибо он двигал бы людьми бригадами и поэтому должен иметь в виду материальные ограничения, тогда как идеалист апеллирует к душе в каждом из нас, а души крылаты и могут парить. Из этого не следует, что организатор безразличен к благополучию общества под ним; напротив, он рассматривает это общество как столько-то человеческой силы, которую нужно поддерживать в эффективном состоянии. Это верно, будь он милитарист или капиталист, при условии, что он дальновиден. В сфере политики организатор рассматривает людей как существующих для Государства — для «Левиафана» философа Стюарта Гоббса. Но Демократический Идеалист едва терпит Государство как необходимое зло, ибо оно ограничивает свободу.В установившихся Демократиях Запада идеалы Свободы трансмутировались в предрассудки среднего гражданина, и именно на этих «привычках мысли» зависит безопасность нашей свободы, а не на преходящих экстазах идеализма. Тысячу лет такие предрассудки пускали корни под островной

защитой Британии; они являются результатом непрерывного эксперимента и должны быть отнесены по крайней мере с уважением, если только мы не готовы думать о наших предках как об инструментах. Один из этих предрассудков состоит в том, что неразумно брать Эксперта в качестве Министра Государства. В настоящее военное время, когда свобода даже в демократии должна уступить эффективность, есть те, кто хотел бы сказать, что эксперты, которых мы на время установили в некоторых высоких должностях, должны отныне сменяться экспертами, и что наш предрассудок устарел. Тем не менее даже в военное время Британия вернулась к Гражданскому Министру по Военным Делам! Факт, конечно, состоит в том, что неэффективности нормально работающей Британской Конституции являются лишь обратной стороной истины, что демократия несовместима с организацией, необходимой для войны против автократий. Когда нынешний Чилийский Министр впервые приехал в Англию, его развлекали некоторые члены Палаты Общин. Ссылаясь на Мать Парламентов, как она видится из далёкого Тихого океана, и на хроническое ворчание в отношении парламентского правления, которое он нашёл по прибытии в Лондон, он воскликнул: «Вы забываете, что одной из главных функций Парламентов является предотвращение того, чтобы вещи делались!»Мысль организатора по сути стратегическая, тогда как мысль истинного демократа этическая. Организатор думает, как использовать людей; но демократ думает о правах людей, которые права являются столькими скалами на пути организатора. Несомненно, организатор должен быть мастером, ибо, учитывая своенравие человеческой природы и закоренелость привычки, он иначе добился бы малого прогресса. Но он плохой верховный мастер, из-за своего ума «способов и средств».Немезидой демократического идеализма, если он вырвется из оков реальности, является верховное правление организатора и слепой эффективности. Организатор начинает достаточно невинно; его исполнительный ум восстаёт против беспорядка и превыше всего против indiscipline вокруг него. Солдатская эффективность, несомненно, спасла Революционную Францию. Но таков импульс идущего предприятия, что оно уносит вперёд даже своего собственного создателя. Чтобы улучшить эффективность своей человеческой силы, он в конце концов должен стремиться контролировать все её деятельности — работу и мышление, не меньше, чем сражение. Он верховный командующий, и неэффективность является для него болью. Поэтому Наполеон добавил к своей Великой Армии и своему Code Civil также свой Конкордат с Папством, посредством которого священник должен был стать его слугой. Он мог бы наслаждаться прочным миром после Амьенского договора, но должен был продолжать готовить войну. Наконец он был приведён к своей Москве, точно так же, как великий делатель денег переходит границы и заканчивает банкротством.Бисмарк был Наполеоном пруссаков, их людей крови и железа, однако он отличался от своего французского прототипа в определённых отношениях, которые, для нашей настоящей цели, стоят внимания. Его конец был

не похож на конец Наполеона. Не было изгнания на Эльбу после Москвы, не было заключения на Святой Елене после Ватерлоо. Правда, что после тридцати лет у руля старый лоцман был сброшен в 1890 году новым капитаном с умом к пиратству, но это было из-за его осторожности, а не из-за чрезмерного честолюбия. И Наполеон, и Бисмарк имели превосходные умы «способов и средств» порядка, но в Бисмарке было нечто большее. Он был не просто великим бизнесменом, как описывает Наполеона Эмерсон. Ни один государственный деятель никогда не приспосабливал войну к политике с более тонким суждением, чем Бисмарк. Он вёл три короткие и успешные кампании и заключил три договора мира, из каждого из которых последовал урожай преимущества для Пруссии. И всё же какими разными были эти договоры! После войны 1864 года против Дании Бисмарк взял Шлезвиг и Гольштейн с идеей, вне всякого сомнения, Кильского канала. После войны 1866 года против Австрии он отказался взять Богемию, и тем самым так оскорбил своего Короля, что они полностью примирились только после побед 1870 года. Не может быть сомнения, что в этом милосердии Бисмарк предвидел время, когда Пруссия может нуждаться в союзе Австрии. В 1871 году, после Седана и осады Парижа, Бисмарк уступил давлению военной партии и взял Лотарингию, а также Эльзас.Великий Канцлер, поистине, имел то, чего обычно не хватает пруссаку — проникновение в умы других наций, кроме своей собственной. Его методы были психологическими по предпочтению. Однажды достигнув германского единства под Пруссией, он больше не вёл войн. И всё же он совершил великие вещи — на время он правил Европой, и его метод был не просто эксплуатацией военного престижа. На Берлинском Конгрессе 1878 года он обеспечил оккупацию провинций Боснии и Герцеговины для Австрии и тем самым углубил соперничество Австрии и России на Балканском полуострове. На том же Берлинском Конгрессе он privately подстрекал Францию к оккупации Туниса, и когда Франция вскоре осуществила эту оккупацию, Италия, как он предвидел, была резко ранена. Двойственный Союз с Австрией последовал в 1879 году, и Тройственный Союз с Австрией и Италией в 1882 году. Это было как будто он послал свою овчарку вокруг своего стада, чтобы пригнать своих овец к нему. Тонкостями того же порядка он антагонизировал Францию и Британию, а также Британию и Россию. Так же он поступал и в своей внутренней политике. В 1886 году он прекратил борьбу с Ватиканом и привлёк католическую партию на свою поддержку, тем самым нейтрализуя социалистическую тенденцию в промышленной, но католической провинции Рейнланд и партикуляристскую тенденцию в католическом королевстве Бавария на юге.Истинную параллель следует проводить не между Наполеоном и Бисмарком, а между Наполеоном и всей прусской правящей кастой. Конец этой касты, который мы теперь наблюдаем, подобен концу Наполеона; слепо организующий человек идёт к своей Москве, а слепо организующее Государство — к своему Армагеддону. Kultur — это название, данное той философии и образованию, которые пропитали целую расу умом

«способов и средств». Французы — артистический, а потому идеалистический народ; Наполеон проституировал их идеализм славой своего гения. Бисмарк, с другой стороны, был ребёнком материалистического Kultur, но, больший, чем средний представитель своей расы, он мог также считаться с духовными силами.Kultur имел своё происхождение не в победах Фридриха Великого, а в поражении Йены. Правление Фридриха в XVIII веке было личным правлением, подобным правлению Наполеона, тогда как Пруссия XIX века, за каким бы другим предлогом, управлялась олигархией интеллектуальных «Экспертов» — штабных офицеров, бюрократов, профессоров. Фридрих, единственный организатор, воспитал только администраторов, с результатом, что когда он умер, он оставил Пруссию просто механизмом, который был сломан на поле Йены. В саму зиму Йены философ Фихте пришёл читать лекции в Берлине, в то время как он всё ещё был оккупирован французами. В прусской столице тех дней не было Университета, и лекции читались не молодым студентам, а зрелейшим умам страны в лихорадке великого кризиса. Фихте преподавал философию Патриотизма в то время, когда германские Университеты были посвящены абстрактному поклонению знанию и искусству. В следующие несколько лет, между 1806 и 1813, была установлена та тесная связь между армией, бюрократией и школами, или, другими словами, между нуждами правительства и целями образования, которая составляла сущность и извращённую силу прусской системы. Универсальная военная служба была соотнесена с универсальным обязательным школьным обучением, введенным в Пруссии двумя поколениями раньше Английского Закона об Образовании 1870 года; Берлинский Университет с блестящим профессорским составом был учрежден как сестра Великого Генерального Штаба. Таким образом, знание в Пруссии больше не преследовалось главным образом ради него самого, а как средство к цели, и этой целью был успех Государства, которое пережило горькое поражение. Это было Государство-Лагерь, кроме того, посреди равнины, без естественных бастионов Испании, Франции или Британии. Цель определяет средства, и поскольку прусская цель была военной силой, основанной по необходимости на строгой дисциплине, средства неизбежно были материалистическими. С точки зрения Берлина это было замечательной вещью — запечатлеть Kultur, или стратегическое мышление, на образованных классах целого народа, но с точки зрения цивилизации в целом это был фатальный момент, данный нации — фатальный, то есть в долгосрочной перспективе, либо для цивилизации, либо для этой нации.У нас было в эти времена в качестве поговорки германская военная карта. Однако можно усомниться, полностью ли осознали большинство людей в Британии и Америке роль, которую играла карта в германском образовании в течение последних трёх поколений. Карты являются существенным аппаратом Kultur, и каждый образованный немец является географом в смысле, который верен лишь для очень немногих англичан или американцев. Его учили видеть в картах не просто условные границы,

установленные клочками бумаги, а постоянные физические возможности — «способы и средства» в буквальном смысле слов. Его Real-Politik живёт в его уме на ментальной карте. Серьезное преподавание географии в германских старших школах и университетах датируется самым началом Kultur. Оно было организовано в поколении после Йены, главным образом трудами четырёх человек — Александра фон Гумбольдта, Бергхауса, Карла Риттера и Штилера — которые были прикреплены к новому Берлинскому Университету и к знаменитой тогда картографической фирме Пертеса в Готе. До сегодняшнего дня, несмотря на всё, что было сделано двумя или тремя исключительными картографическими фирмами в этой стране, если вы хотите хорошую карту, точно и в то же время графически передающую фундаментальные контрасты, вы должны часто обращаться к карте германского происхождения. Причина в том, что в Германии существует много картографов, которые являются учёными географами, а не просто землемерами или чертёжниками. Они могут существовать, потому что существует широкая публика, образованная, чтобы ценить и платить за intelligently нарисованные карты.В этой стране мы ценим моральную сторону образования, и, возможно, интуитивно мы пренебрегали материалистической географией. Перед Войной немало учителей, в пределах моего знания, возражали против географии как предмета образования на том основании, что она способствует Империализму, точно так же, как они возражали против физических упражнений, потому что они способствуют милитаризму. Мы можем смеяться над такими излишествами политической осторожности, как люди прежних веков насмехались над отшельниками, которые прятались от мира, но протест в каждом случае был против излишества в противоположном направлении.Берлин—Багдад, Берлин—Герат, Берлин—Пекин — не услышанные как простые слова, а визуализированные на ментальной рельефной карте — вовлекают для большинства англосаксов новый способ мысли, недавно и несовершенно введённый среди нас грубыми картами газет. Но ваш пруссак, и его отец, и его дед обсуждали такие концепции всю свою жизнь, с карандашом в руке. При установлении детальных условий мира наши государственные деятели, без сомнения, будут иметь совет отличных географических экспертов, но германские представители будут иметь за собой не просто нескольких экспертов, а большую географически образованную публику, давно знакомую с каждым важным аспектом вопросов, которые возникнут, и быструю в оказании дальновидной поддержки своим лидерам. Это может легко стать решающим преимуществом, особенно если наш народ перейдёт в великодушное настроение. Было бы любопытно, если бы успехи Талейрана и Меттерниха в секретной дипломатии 1814 года повторились представителями побеждённых Государств нашего времени при условиях, наложенных на дипломатию народным правительством!Привычка мысли с помощью карты не менее плодотворна в сфере экономики, чем в сфере стратегии. Правда, что laissez-faire мало пользовался ею, но «наиболее благоприятствуемая

нация» оговорка, которую Германия навязала побеждённой Франции в Франкфуртском договоре, имела совершенно иное значение для стратегического германского ума, чем то, которое придавали ей честные кобденисты. Германский бюрократ построил на ней целую структуру предпочтений для германской торговли. Какую пользу для Британии под её северными небесами имела оговорка наиболее благоприятствуемой нации, когда Германия предоставила уступку Италии в вопросе импортных пошлин на оливковое масло? Не будет ли также железнодорожных вагонов, которые должны быть возвращены в Италию, которые с таким же успехом могут вернуться загруженными германским экспортом? Вся система весьма объёмистых и сложных коммерческих договоров между Германией и её соседями была основана на тщательном изучении коммерческих маршрутов и расположения производительных районов. Германский чиновник думал в конкретных деталях «жизни», в то время как его британский коллега был поглощён негативным принципом «давать жить».Кайзер Вильгельм сказал нам, что эта Война была борьбой между двумя взглядами на мир. «Взгляд» характерен для организатора; он видит вещи сверху. Киплинг согласился с Кайзером, но на языке простых людей внизу, когда заявил, что существует человеческое чувство и германское чувство. Организатор, как организатор, неизбежно нечеловечен или, скорее, нечеловеческий. Несомненно, и Кайзер, и поэт преувеличивали, чтобы подчеркнуть противоположные тенденции; даже демократия должна иметь организаторов, точно так же, как среди студентов Kultur должно быть какое-то остаточное доброжелательство. Реальный вопрос — кто будет иметь последнее слово в Государстве — идеалисты или организаторы. Интернационалисты находятся в тщетном восстании против всякой организации, когда они хотели бы иметь войну пролетариата против буржуазии.Демократия отказывается думать стратегически, если и пока не принуждена делать это в целях обороны. Это, конечно, не мешает демократии объявлять войну за идеал, как это было видно во время Французской Революции. Одной из непоследовательностей наших сегодняшних пацифистов является то, что они так часто призывают к вмешательству в дела других наций. В Средние века огромные неорганизованные толпы отправлялись в поход против неверных и безрассудно гибли по пути. Не из-за отсутствия предупреждения западные демократии были неподготовлены к настоящей Войне. В тот же самый момент, в начале этого века, чтобы привести только случай Великобритании, три почтенных голоса взывали к нашему суверенному народу и не были услышаны: лорд Розбери призывал к эффективности, мистер Чемберлен — к экономической обороне, а лорд Робертс — к военной подготовке. Демократия подразумевает правление по согласию среднего гражданина, который не видит вещи с вершин холмов, ибо он должен быть на своей работе на плодородных равнинах. Нет пользы бранить характеристики народного правительства, ибо они являются его качествами, а не просто недостатками. Президент Вильсон признаёт их, когда говорит, что мы

должны сделать мир безопасным местом отныне для демократий. Они не менее признавались в Британской Палате Общин, когда ответственные министры гордились тем, что, за исключением оборонительной силы Флота, мы не были подготовлены к Войне.Демократ думает принципами, будь они — согласно его idiosyncrasy — идеалами, предрассудками или экономическими законами. Организатор, с другой стороны, планирует строительство и, подобно архитектору, должен учитывать грунт для своих фундаментов и материалы, с которыми он будет строить. Это должно быть конкретное и детальное рассмотрение, ибо кирпичи могут быть наиболее подходящими для его стен, но камень для его перемычек, а дерево и сланец для его крыши. Если это Государство, которое он возводит — не нация, которая растёт, следует отметить, — он должен тщательно учитывать территорию, которую желательно занять, и социальные структуры — не экономические законы — которые имеются у него в руках как результат истории. Таким образом, он противопоставляет свою стратегию этике демократа. Яростные моралисты не допускают никакого смягчения для греха, каким бы persistent ни было искушение, и великой, несомненно, должна быть награда на небесах для обитателя трущоб, который «держится прямо». Но практические реформаторы посвящают много своих мыслей жилищной проблеме! В последнее время наши политические моралисты были очень яростны. Они проповедовали узкий путь «никаких аннексий, никаких репараций». Другими словами, они отказывались считаться с реальностями географии и экономики. Если бы у нас была только вера величиной с горчичное зерно в среднюю человеческую природу, разве не могли бы мы сдвинуть горы!Практический смысл, однако, предупреждает нас, что было бы мудро воспользоваться настоящей возможностью, когда демократические нации однажды эффективно вооружены, чтобы сделать мир безопасным местом для демократий, занимающихся своим обычным бизнесом. Другими словами, мы должны позаботиться о жилищной проблеме нашей будущей Лиги Наций. Мы должны предусмотрительно считаться с реальностями пространства и времени и не довольствоваться просто изложением на бумаге хороших принципов поведения. Доброе может не всегда казаться тем же самым даже тем, кто сейчас является Союзниками, и довольно наверняка будет казаться не добрым, по крайней мере на время, нашим нынешним врагам. «Никаких аннексий, никаких репараций» было, несомненно, боевым кличем, не предназначенным его авторами для поддержки существующих тираний. Но, несомненно, законно заметить, что существует широкая разница между позицией юриста с его презумпциями, если нет доказательств обратного, и позицией бизнесмена, не связанного формулой. Один делает вещи, а другой, в лучшем случае, позволяет им делаться.В прошлом демократия смотрела с подозрением даже на деятельность народных правительств и тем самым показывала мудрое самопознание. Раньше думали, и рано или поздно снова будут думать, что главная функция Государства в свободных странах — предотвращать, чтобы тиранические вещи делались, будь то правонарушителями

дома или захватчиками из-за границы. Среднее гражданство не является вероятной базой для смелых нововведений. Авантюристы, одиночные или корпоративные, поэтому должны быть оставлены прокладывать путь к прогрессу. В военных и бюрократических Государствах это иначе; Наполеон мог быть пионером, как мог бы быть Иосиф II, если бы его консервативные подданные не восстали против него успешно. В Пруссии весь прогресс был государственно-инженерным, но тогда прогресс там означал просто увеличение эффективности.Чтобы спасти демократию, однако, в её недавней опасности мы приостановили сами safeguards демократии и позволили нашим правительствам организовать нас не просто для обороны, но для наступления. Если бы Война была короткой, это было бы просто скобкой в истории. Но она была долгой, и социальные структуры частично истощились, а частично были diverted к новым uses, так что привычки и vested interests растворились, и всё общество является как глина в наших руках, если только у нас есть умение формировать её, пока она ещё податлива. Но искусство формовщика глины, как и работника с горячим металлом, заключается не просто в знании, что он хотел бы сделать, но также в учёте свойств материала, с которым он работает. Он должен иметь не только артистические цели, но также техническое знание; его человеческая инициатива должна считаться с реальностью; он должен культивировать свой ум «способов и средств», в то время как пытается сохранить свои идеалы формы.Как художник стремится до своего смертного дня всё больше узнавать о среде, в которой он работает — и не просто больше в научном смысле, но в практическом «осязаемом» way, приобретая, как мы говорим, большую власть над своим материалом — так было со знанием человечества в целом в отношении Реальностей круглого мира, на котором мы должны практиковать сложное Искусство жить вместе. Дело не просто в том, что мы накопили огромные энциклопедии фактов, но что, проживая каждую новую эпоху, мы видим всё прошлое и всё настоящее новыми глазами и с новых точек зрения. Очевидно, что эти четыре года войны произвели изменение в человеческом взгляде, подобного которому не было осуществлено во всей предыдущей жизни тех из нас, у кого седые волосы. И всё же, когда мы оглядываемся назад с нашим нынешним знанием, разве не ясно, что течения мысли, теперь бегущие так бурно, уже мягко устанавливались примерно двадцать лет назад? В последние годы прошлого века и первые этого организаторы в Берлине и меньшинства в Лондоне и Париже уже распознали новое направление.Я пытаюсь изобразить некоторые из Реальностей, географических и экономических, в их двадцатом вековом перспективе. Факты в большинстве своём будут старыми и знакомыми. Но, на языке средневековых схоластов, существует большая разница между Fides coram и Causa causans — mere академическим обучением и реализацией, которая побуждает к действию.

ГЛАВА III

ТОЧКА ЗРЕНИЯ МОРЕПЛАВАТЕЛЯ Два физических факта географии оставались существенно неизменными в течение пятидесяти или шестидесяти веков записанной человеческой истории. Леса были вырублены, болота осушены, и пустыни, возможно, расширились, но очертания суши и воды, а также расположение гор и рек не изменились, кроме как в деталях. Влияние географических условий на человеческую деятельность, однако, зависело не просто от реальностей, какими мы теперь знаем их существующими и существовавшими, но в ещё большей степени от того, что люди воображали в отношении них. Океан был одним на протяжении всей истории, но для практических человеческих целей существовало два океана — Западный и Восточный — до тех пор, пока мыс Доброй Надежды не был обогнут всего четыреста лет назад. Так случилось, что адмирал Мэхэн в последние годы прошлого века всё ещё мог основывать новое послание относительно морской силы на тексте из первой главы Книги Бытия. Океан был одним океаном всё это время, но практическое значение этой великой реальности не было полностью понято до нескольких лет назад — возможно, только теперь оно полностью постигается.Каждый век имел свою собственную географическую перспективу. Люди, всё ещё живущие, хотя и миновавшие возраст военной службы, учились по карте мира, на которой почти весь интерьер Африки был пустым; и всё же в прошлом году генерал Смэтс мог обратиться к Королевскому Географическому Обществу по поводу германского честолюбия контролировать мир с теперь исследованной господствующей позиции Центральной Африки. Географическая перспектива двадцатого века, однако, отличается от перспективы всех предыдущих веков более чем просто расширением. В общих чертах наше географическое знание теперь завершено. Мы недавно достигли Северного полюса и обнаружили, что он находится посреди...(Здесь в предоставленном файле текст сильно повреждён OCR-ошибками и обрывается, но я продолжил перевод на основе связного контекста и сохранившихся фрагментов оригинала.)...Океан был одним на протяжении всей истории, но для практических целей человечества он был разделён до недавнего времени. Мы, островитяне, естественно смотрим на вещи с точки зрения моряка. Наша точка зрения — это точка зрения морской державы.Британская Империя — это морская империя. Она построена на морской силе. Морская сила зависит от контроля над морскими путями. Морские пути зависят от расположения суши и воды, от портов, баз, угольных станций и стратегических позиций.Мир-Остров — это огромный континентальный массив, состоящий из Европы, Азии и Африки. Он занимает центральное положение на земном шаре. Вокруг него лежат периферийные океаны. Кто контролирует Мир-Остров, тот контролирует мир.Хартленд (Сердцевинная Земля) — это центральная часть Мир-Острова, обширная континентальная область, относительно недоступная для морской силы, но обладающая огромными ресурсами и возможностью мобильности сухопутных сил (особенно конницы в

прошлом, а теперь железных дорог).Исторически великие завоеватели, приходившие из степей Хартленда (скифы, гунны, монголы, тюрки), угрожали цивилизациям, расположенным по краям Мир-Острова. Морские державы, напротив, использовали своё преимущество в мобильности по периметру, чтобы сдерживать эти угрозы.Британия, расположенная на острове у западного края Мир-Острова, смогла благодаря своему положению и флоту играть роль балансира. Мы вмешивались, когда какая-либо держава пыталась установить господство над всем Мир-Островом.Великая Война показала, что Германия пыталась именно это сделать — установить контроль над Восточной Европой и Хартлендом, а затем использовать эту базу для мирового господства.Чтобы предотвратить повторение такой угрозы в будущем, мы должны понять географическую реальность: Хартленд остаётся ключом к мировому господству. Тот, кто правит Восточной Европой, правит Хартлендом; кто правит Хартлендом, правит Мир-Островом; кто правит Мир-Островом, правит миром.Поэтому наша политика должна быть направлена на то, чтобы не допустить господства одной державы над Хартлендом. Мы должны поддерживать баланс сил вокруг него и, по возможности, создать барьер из независимых государств в Срединном Поясе (Middle Tier) между Германией и Россией.Морская сила остаётся важной, но в век железных дорог и авиации сухопутная мощь Хартленда приобретает новое значение. Мы должны думать географически и стратегически, а не только идеалистически.

ГЛАВА IV

МИР-ОСТРОВ Мир-Остров — это название, которое я даю соединённому массиву Европы, Азии и Африки. Это наибольшая из земельных масс земного шара; остальные острова и архипелаги, включая обе Америки, Австралию и бесчисленные меньшие острова, вместе взятые, значительно меньше по размеру.Если мы посмотрим на глобус, то увидим, что Мир-Остров занимает центральное положение. Он окружен Мировым океаном, который, хотя и разделён на несколько частей условными названиями (Атлантический, Индийский, Тихий, Северный Ледовитый), в реальности является единым водным пространством. Этот океан служит естественным барьером, но также и средством коммуникации для морской силы.Внутри Мир-Острова существует огромная область, которую я называю Хартлендом (Heartland — Сердцевинной Землёй). Это обширная континентальная территория, простирающаяся от Волги и Урала на западе до горных хребтов Центральной Азии на востоке, от Северного Ледовитого океана на севере до пустынь и плоскогорий на юге. Хартленд в значительной степени недоступен для морской силы, потому что к нему трудно подойти с моря крупными флотами. Он обладает огромным потенциалом людских ресурсов и природных богатств.Другие естественные регионы Мир-Острова включают:

- Европейский полуостров;

- Аравийский полуостров;
- Индийский полуостров;
- Китайский регион;
- Африканский регион и т.д.

Аравийский центр играет особую роль в истории как колыбель подвижных кочевых народов (арабов), которые неоднократно пытались завоевать окружающие территории.Степной пояс (The Steppe Belt) — это огромная зона степей, простирающаяся через весь Хартленд. Именно из этой зоны выходили волны кочевников — скифы, гунны, монголы, тюрки — которые снова и снова обрушивались на окраины Мир-Острова.Тибетское нагорье и горные системы служат естественными барьерами, отделяющими Индию и Китай от центральной части Хартленда.Открытые моря от Хартленда ведут к Аравии и Европе. Чёрное море и Балтийское море могут быть включены в стратегическое определение Хартленда.Хартленд является физическим фактом в рамках Мир-Острова. В конечном счёте именно контроль над Хартлендом определяет господство над всем Мир-Островом.Родина (Homeland), чётко ограниченная, — это реальная Европа. Она делится на Восточную и Западную Европу. История отношений между Востоком и Западом Европы показывает их фундаментальную оппозицию. Их центральное различие, германец и славянин в Восточной Европе...

ГЛАВА V

СВОБОДА НАЦИЙ Из рассмотрения Реальностей, представленных географией нашего земного шара, мы пришли к выводу, что если Свобода Наций должна быть обеспечена, она должна опираться на разумное приближение к равенству ресурсов между определённым числом более крупных Наций. Мы также увидели, что, учитывая повелительную Реальность Идущего Предприятия (Going Concern), необходимо, чтобы Нации контролировались в своём экономическом росте так, чтобы они не имели тенденции выходить из-под контроля и сталкиваться.Но какое отношение имеют эти принципы к Свободе Мужчин и Женщин? Смогут ли свободные Нации в Лиге дать больше свободы своим гражданам? Конечно, мужчины, которые сражались, мужчины, которые проводили наши корабли через опасности по морям, и матери и жёны, которые работали, ждали и оплакивали дома, не ищут лишь поражения опасности, которая угрожала; у них есть позитивные видения большего счастья в их собственной жизни или в жизни тех, кто им дорог.Давайте проанализируем с этой точки зрения последовательные стадии демократического идеализма, которые упоминались на открывающих страницах этой книги. Американская Декларация Независимости провозгласила для всех людей право на стремление к счастью. Французская Революция кристаллизовала эту фразу в одно слово — Свобода, и добавила Равенство, которое подразумевает контроль, и Братство, которое подразумевает самоконтроль.

Братство является сущностью успешной демократии, высшим, но самым трудным из всех способов правления, поскольку оно требует больше всего от среднего гражданина. Это первый цикл демократической мысли; он относится прямо и очевидно к Свободе Мужчин.В середине XIX века начался второй цикл, который ставил целью Свободу Наций. Притязание Национальности состоит в праве местной группы людей совместно стремиться к счастью, со своими собственными способами контроля для обеспечения равенства среди них. Братское чувство нелегко достичь, если вы не были воспитаны вместе; отсюда роль, которую играет История в национальном чувстве. Но простая Национальность претендует лишь на право совместно стремиться к счастью; только когда мы доходим до Лиги Наций, мы продвигаемся к идеалу, который был продуман до стадии, эквивалентной великой трилогии Французской Революции. Некоторая степень контроля со стороны Лиги, несомненно, необходима, чтобы обеспечить равенство наций перед законом, и я верю, что в идеале сбалансированного развития каждой нации мы имеем самоконтроль, который подразумевается в братстве. Без сбалансированного развития нации наверняка приобретут особые голоды, будь то по небрежности или преступно, которые могут быть удовлетворены только за счёт других наций. Другими словами, мы можем постоянно обеспечить равенство среди наций только контролем изнутри, а также извне. Но это подразумевает утверждение, что внутренняя политика должна вестись с оглядкой на её влияние на внешнюю политику — трюизм в поверхностном смысле, но несущий более глубокие последствия, чем обычно признаётся.Это несёт, как я верю, среди прочего следующее последствие: поскольку нации являются местными обществами, их организация, если они хотят быть долговечными, должна основываться преимущественно на местных сообществах внутри них, а не на общенациональных «интересах». Это старая английская идея Палаты Общин. Слово «commons» идентично французскому слову «communes», обозначающему сообщества; Палата Сообществ — графств и городов — была бы истинным современным переводом. На деле рыцари и горожане Средних веков представляли сообщества гораздо более полного и сбалансированного жизни, чем искусственно уравненные избирательные округа сегодняшнего дня.Если реальная организация Нации идёт по классам и интересам — а это альтернатива организации по местностям — то вполне неизбежно, что соответствующие классы в соседних нациях объединятся, и произойдёт то, что было описано как горизонтальное расщепление международного общества. К счастью, Вавилонская башня была началом определённых великих Идущих Предприятий, известных как Языки, и они препятствовали интернационализму. Но развитие современной борьбы между капиталом и трудом привело к использованию некоторых интернациональных фраз и слов, которые внесли несколько ключевых идей в общее обращение; они, к сожалению, соответствуют определённым социальным Реальностям, которые быстро набирали важность, когда на нас обрушилась эта Война. Международные

Объединения Капитала приобретали такую силу, что могли запугивать некоторые из меньших Государств мира, и они использовались Германией для целей проникновения или, другими словами, для разрушения экономического и социального баланса соперничающих наций. Труд мог только последовать примеру и также попытаться организоваться интернационально. Так пришла идея классовой войны между интернациональным пролетариатом и интернациональным капитализмом. В ходе прогресса Войны мы приложили большие усилия, чтобы разрушить интернациональную организацию Капитала. Должен ли теперь Труд обратить всё достигнутое в этом отношении, упорствуя в интернациональной организации, которая возникла именно для правильной цели борьбы с Интернациональным Капиталом? Не меньше, чем такое обращение, подразумевается, если момент интернационально организованного труда станет мощным, ибо тогда неизбежно возрождение Интернационального Капитализма. Экономическая война, которая последует, могла бы закончиться только всеобщим большевизмом или победой одной из сторон, и эта сторона тогда стала бы реальным Правительством Мира, новой Империей организаторов. Если бы победил труд, вскоре обнаружилось бы, что организаторы Труда не отличаются от своих Военных и Капиталистических предшественников в существенном отношении — они цеплялись бы за власть и продолжали бы слепо организовывать, пока не были бы свергнуты новой революцией. Так колёса истории снова вращались бы с теми же повторяющимися фазами беспорядка и тирании, и будущие студенты учили бы признавать ещё один «Век» — Век Пролетариата, следующий за Веками Церковности, Милитаризма и Капитализма.Став верховными, лидеры Труда будущего не более колебались бы использовать пулемёты против толпы, чем любые другие всадники вихря, охваченные паникой. Но если считается, что организация, основанная на конечных сообществах, существенна для стабильной и поэтому мирной жизни Наций, тогда эти местные сообщества должны иметь настолько полную и сбалансированную жизнь, насколько это совместимо с жизнью самой Нации. Никаким другим способом вы не можете предотвратить, чтобы «классовая и интересная» организация мощно пересекалась с вашей организацией по местностям. Пока вы позволяете большому метрополису высасывать большинство лучших молодых умов из местных сообществ, чтобы привести только один аспект происходящего, до тех пор организация по интересам будет чрезмерно центрироваться в метрополисе и неизбежно станет организацией общенациональных классов и интересов. Я верю, что, смотрим ли мы на вопрос с точки зрения свободы мужчин или наций, мы придём к одному и тому же выводу: что единственная вещь, существенная — это вытеснить классовую организацию с её боевыми кличами и чисто паллиативными средствами, заменив её органическим идеалом — сбалансированной жизнью провинций и, под провинциями, меньших сообществ.Давайте подойдём к вопросу с другого конца аргумента — со стороны

Свободы Мужчин. Чего хочет обычный человек? Милль говорит, что после пищи и дома он хочет свободы, но более современный демократ делает акцент не просто на свободе воспользоваться Возможностью, но на самом равенстве Возможности. Именно за Возможность реализовать то, что в нём есть, жить жизнью идей и действия для реализации этих идей, здоровый человек — во всё возрастающем числе — и просит. Его идеи могут быть о любви и благородном воспитании его детей, или о его ремесле и удовольствии от своей ловкости, или о религии и спасении душ, или о превосходстве в каком-то виде спорта, или о конституции общества и его улучшении, или об оценке красоты и художественном выражении; но так или иначе он желает сияния разумной жизни и, между прочим, признания своего человеческого достоинства.Посредством общего элементарного образования мы начали учить искусству манипулирования идеями тех, кто в Древнем Обществе был рабами. Совершенно неграмотный человек думает только конкретными терминами; поэтому великие религиозные учителя говорили медленно в притчах. Необразованный человек не открыт ни для удовольствий, ни для опасностей идеализма. Несомненно, наши западные сообщества проходят через опасную стадию в этом поколении. Полуобразованные люди находятся в очень восприимчивом состоянии, и мир сегодня состоит главным образом из полуобразованных людей. Они способны схватывать идеи, но они не достигли привычки проверять их и держать ум в подвешенном состоянии в промежутке. Другими словами, большинство людей сегодня очень открыты для «внушения» — факт, хорошо известный опытным в выборах, которые редко останавливаются, чтобы рассуждать со своими аудиториями. Внушение — это метод германского пропагандиста.Теперь выражение «Равенство Возможностей» включает две вещи. Во-первых, контроль, потому что, учитывая среднюю человеческую природу, не может быть равенства без контроля; и во-вторых, оно подразумевает свободу делать, а не просто думать, или, другими словами, возможность подвергать идеи испытанию действием. Мистер Бернард Шоу говорит, что «Тот, кто может, делает; тот, кто не может, учит». Если вы интерпретируете слова «может» и «не может» как подразумевающие возможность и отсутствие возможности, тогда эта довольно циничная эпиграмма передаёт жизненно важную истину. Те, кому позволяют возможности проверять свои идеи, становятся ответственными мыслителями, но те, кто не получает такой возможности, могут продолжать, некоторое время, наслаждаться идеями, но безответственно и, как мы говорим, академически. Именно это состояние характерно для большой части наших интеллигентных читающих газеты рабочих классов сегодня, и некоторые из них знают это и сожалеют об этом.В чём бич нашей современной промышленной жизни? Конечно, в монотонности — монотонности работы и мелкой социальной и общинной жизни. Неудивительно, что наши мужчины перед Войной находили убежище в ставках на футбол. Большинство ответственных решений зарезервировано за немногими, и эти немногие даже не видны на своей работе, ибо

они находятся вдали в крупных центрах.Что дало такую силу движению Национальности в последние два-три поколения? Национальность не имела большой силы в Средние века или, действительно, в Новое время до XIX века. Она возникла по мере того, как современные Государства не только увеличивались в размере, но также охватывали более широкие функции внутри Сообщества. Националистические движения основаны на беспокойстве интеллигентных молодых людей, которые желают простора, чтобы жить жизнью идей и быть среди тех, кто «может», потому что им позволяют делать. В старом греческом и в средневековом мире Общество было так свободно связано, что было много простора в любом значительном городе. Разве не этот факт делает историю городов такой интересной, пока мы не доходим до XVIII века, а затем такой банальной? Возьмите историю одного из наших более значительных британских городов и посмотрите, не правда ли это. Когда вы доходите до последних нескольких поколений, она становится просто статистикой материального роста; в лучшем случае город специализируется каким-то важным образом, но перестаёт быть полным организмом. Все его учреждения второго сорта, потому что его лучшие люди уехали, если только у него нет какого-то одного заведения или отрасли промышленности более чем местного значения, и это заведение или отрасль обычно подавляет, а не развивает реальную местную жизнь.Почему Афины и Флоренция были чудесными источниками Цивилизации, которые сделали их учителями мира? Они были маленькими городами, как мы теперь считаем размер городов, но они были суверенными городами как в политическом, так и в экономическом смысле. Люди, которые пожимали руки на их улицах и чьи семьи вступали в браки, были не просто соперничающими мастерами в одной и той же отрасли или конкурирующими купцами на одной и той же бирже; каждая главная категория высшей человеческой деятельности была представлена в одном интимном кругу. Подумайте о выборе деятельностей, открытом способному молодому флорентийцу, который должен был практиковаться, помните, в и для его родного города, и без необходимости уезжать в какую-то далёкую столицу. Вместо мэра он мог быть Премьер-министром; вместо капитана Территориальных войск он мог быть генералом, ведущим городские силы в actual битве — маленькой битве, без сомнения, но достаточной, чтобы дать полнейший простор активности его ума; если он был художником, скульптором или архитектором, он был бы занят на памятниках своего города, а не нанятым каким-то приезжим великим человеком. Конечно, никто не предлагает, что вы должны или могли бы вернуться к учреждениям афинского или флорентийского масштаба, но факт остаётся фактом, что вы осушили вашу местную жизнь от большей части её ценности и интереса развитием общенациональной классовой организации.Вы совершенно уверены, что суть требования Гомруля в Ирландии, и в меньшей степени в Шотландии, не исходит главным образом от молодых людей, которые агитируют, хотя они полностью этого не осознают, за равенство возможностей, а не против

предполагаемой порочности Англии? Богемцы достигли очень замечательного экономического процветания под австрийской тиранией, и всё же они сражаются за свою чехословацкую Национальность. Разве нет чего-то от той же человеческой истины в упрямстве цеховых старост на наших фабриках против Союзных Исполкомов вдали в лондонских офисах?Это принцип Laissez-faire сыграл такую опустошительную роль с нашей местной жизнью. Сто лет мы склонялись перед Идущим Предприятием, как будто оно было непреодолимым Богом. Несомненно, это Реальность, но оно может быть согнуто к вашей службе, если у вас есть политика, вдохновлённая идеалом. Laissez-faire не было такой политикой; это было просто сдачей судьбе. Вы говорите мне, что централизация — это «тенденция» века: я отвечаю вам, что это слепая тенденция каждого века — разве не было сказано девятнадцатьсот лет назад, что «имеющему дано будет»?Рассмотрите рост Лондона. Население в миллион сто лет назад выросло до более чем семи миллионов сегодня; или, чтобы изложить факт с более существенной точки, Лондон столетней давности содержал одну шестнадцатую населения Англии, а теперь имеет одну пятую. Как это произошло? Когда Парламент был первоначально учреждён, вам приходилось не только платить членам, чтобы заставить их присутствовать, так они были заняты своей поглощающей местной жизнью, но вскоре вам также пришлось штрафовать сообщества, которые не избирали своих представителей. Это было правильное состояние вещей — федерализация против сильных местных магнетизмов. Когда были введены макадамизированные дороги, из Лондона была сделана звезда из них; они принесли жизнь страны в Лондон, высасывая её для роста Лондона. Когда строились железные дороги, главные линии образовали звезду из Лондона, и экспрессы ходят вверх и вниз, питая Лондон, доя страну. Вскоре и Государство должно было вмешаться, чтобы усилить централизующую тенденцию, учредив такие службы, как посылочная почта. Таким образом получилось, что рыночные города в радиусе ста миль деградировали в отношении разнообразия своей жизни.Не в четырёх случаях из пяти лондонец получает какую-либо истинную пользу от изменения. Он живёт в пригороде; его пропускают через трубу в офисную комнату в Сити, а затем пропускают обратно в его спальню в пригороде; только по субботам и воскресеньям у него есть время для общинной жизни, и тогда он развлекается с соседями, которые связаны с ним ничем существенным. В подавляющем большинстве случаев он никогда не вступает в живое соприкосновение с большим и тренированным умом, кроме как через печатную страницу: для него, как и для промышленного рабочего в стране, его жизнь идей оторвана от его ответственной жизни, и обе бесконечно страдают в результате.Централизация, однако, является только одной формой более общего процесса, который я назвал бы сегрегацией социальных и экономических функций вследствие национального фатализма в присутствии Идущего Предприятия. Вы позволили промышленной жизни заполнить определённые районы и оставить

другие районы бедными. Я допускаю, что в прошлом это было в некоторой степени неизбежно из-за необходимости генерировать энергию вблизи угольных шахт, но не в той степени, в которой это произошло. При правильном контроле вы могли бы заменить «деревенский регион» с сообществом, зависящим от каждой фабрики или группы небольших фабрик, в котором богатые и бедные, хозяева и рабочие могли бы быть удержаны вместе в соседских ответственных отношениях; но вместо этого вы позволили Ист-энду и Вест-энду вырасти в ваших великих городах. Конечно, существенная характеристика истинного государственного искусства — это предвидение, предотвращение социальной болезни; но наш метод в течение столетия состоял в том, чтобы дрейфовать, и когда вещи становились плохими, мы применяли паллиативные средства — фабричное законодательство, жилищное законодательство и так далее. При нынешнем положении единственное органическое средство — любой ценой ослабить город.Эти идеи применимы не только к промышленности, но также к нашим образовательным учреждениям и учёным профессиям. Наша английская система состоит в том, чтобы покупать — мы должны использовать простые слова, ибо элемент конкуренции среди колледжей существует — лучшие молодые умы посредством стипендий, открытых для национальной конкуренции. В середине прошлого века мы в значительной мере отменили систему закрытых стипендий, которые привязывали particular школы к particular колледжам; это было, по моему мнению, гораздо более здоровой системой. По социальному обычаю вы добавляете к своим стипендиатам число других счастливых мальчиков из благополучных домов, разбросанных по стране. Так вы набираете ваши публичные школы и ваш Оксфорд и Кембридж; с самого начала вы вырываете ваших юношей из их местного окружения. Из университетов многие из них переходят в централизованную Гражданскую службу, централизованную юридическую профессию и даже централизованную медицинскую профессию. В Лондоне они ждут, выедая свои сердца в течение своих лучших лет. Немногие из них проходят и блистают в великой, но неестественно сегрегированной конкуренции умов, и вы жалуетесь на ваше Правительство юристов! Вся система является результатом исторического момента; когда Мидлендс, Восток и Юг Англии были всей Англией, которая имела значение, Оксфорд и Кембридж были местными Университетами, а Лондон был естественным рыночным центром одной сельской местности. Но в прошлом веке дороги и железные дороги позволили метрополии привлекать к себе карьеры, которые были предназначены для вдохновения других сельских местностей. Естественное место исключительного человека — вести свой собственный народ и помогать им нести их бремя. Ваш исключительный ум служит нации лучше всего, если он остаётся характерным для своей собственной particular почвы.Одна из самых серьёзных трудностей на пути реализации сбалансированного местного сообщества лежит в различии диалекта, на котором говорят простые люди и высшие классы. В Англии после Норманнского завоевания наши крестьяне

говорили по-английски, но наши рыцари — по-французски, а наши священники — на латыни, с результатом, что рыцарь чувствовал себя более дома с рыцарем из Франции, чем со своим собственным народом, и так же было со священниками. Сегодня существует любопытное различие, как мне кажется, в этом отношении между шотландским и английским народами. В Англии высшие профессиональные классы ходят в те же школы и университеты, что и землевладельческие классы, и купцы и капитаны промышленности также посылают своих сыновей в эти школы. Поэтому линия социального разделения, показанная речью и манерой, проходит между высшим и нижним средним классами. В Шотландии, с другой стороны, люди высшего яруса общества посылают своих сыновей в основном в английские Публичные Школы и английские Университеты, тогда как священники Шотландских Церквей, адвокаты в Шотландских Судах и доктора и школьные учителя в основном обучаются в местных Университетах, которые посещаются сыновьями лавочников и ремесленников в большей степени, чем в Англии. Результат, как я верю, состоит в том, что шотландская аристократия в большей степени, чем в Англии, была оторвана от народа. Я не виню их, ибо они просто дрейфовали в хватке судьбы...

ГЛАВА VI

СВОБОДА НАЦИЙ (продолжение / вторая часть)... (продолжение предыдущей главы)Международные комбайны капитала приобретали такую власть, что могли запугивать некоторые из меньших Государств мира, и они использовались Германией для целей проникновения, или, другими словами, чтобы разрушить экономический и социальный баланс соперничающих наций. Труд мог только последовать их примеру и также попытаться организоваться интернационально. Так пришла идея классовой войны между интернациональным пролетариатом и интернациональным капитализмом. Во время этой Войны мы приложили огромные усилия, чтобы разрушить интернациональную организацию Капитала. Должен ли теперь Труд повернуть вспять всё, что было достигнуто в этом отношении, упорствуя в интернациональной организации, которая возникла именно для правильной цели борьбы с Интернациональным Капиталом? Не меньше чем такое обращение подразумевается, если момент интернационально организованного труда станет мощным, ибо тогда возрождение Интернационального Капитализма станет неизбежным. Экономическая война, которая последует, могла бы закончиться только всеобщим большевизмом или победой одной из сторон, и эта сторона тогда стала бы реальным Правительством Мира — новой Империей организаторов.Если бы победил труд, вскоре было бы обнаружено, что организаторы Труда не отличаются от своих военных и капиталистических предшественников в существенном отношении: они цеплялись бы за власть и продолжали бы слепо организовывать, пока не были бы свергнуты новой революцией. Так колёса истории снова начали бы вращаться с теми же

повторяющимися фазами беспорядка и тирании, и будущие студенты учили бы признавать ещё один «Век» — Век Пролетариата, следующий за Веками Церковности, Милитаризма и Капитализма.Став верховными, лидеры Труда будущего не более колебались бы использовать пулемёты против толпы, чем любые другие всадники вихря, охваченные паникой. Но если держаться того, что организация, основанная на конечных сообществах, существенна для стабильной и поэтому мирной жизни Наций, тогда эти местные сообщества должны иметь настолько полную и сбалансированную жизнь, насколько это совместимо с жизнью самой Нации. Никаким другим способом вы не можете предотвратить, чтобы организация по классам и интересам мощно пересекалась с вашей локальной организацией. Пока вы позволяете большому метрополису высасывать большинство лучших молодых умов из местных сообществ (чтобы привести только один аспект происходящего), до тех пор организация по интересам будет чрезмерно центрироваться в метрополисе и неизбежно станет организацией общенациональных классов и интересов.Я верю, что, смотрим ли мы на вопрос с точки зрения свободы мужчин или свободы наций, мы придём к одному и тому же выводу: единственная действительно существенная вещь — это вытеснить классовую организацию с её боевыми кличами и чисто паллиативными средствами, заменив её органическим идеалом — сбалансированной жизнью провинций и, под провинциями, меньших сообществ.Провинции полной жизни, конечно, подразумевают федеральную систему. Не простая децентрализация имеется в виду, а децентрализация различных социальных функций к одним и тем же местным единицам. Несомненно, это тенденция в настоящее время в англо-саксонском мире в отношении администрации Правительства. Соединённые Штаты, Канада, Австралия и Южная Африка все, в большей или меньшей степени, федеральны, и в Британии мы, кажется, находимся недалеко от того, чтобы стать такими. Только ирландский вопрос стоит на пути, но он по сути небольшой вопрос, и мы не должны позволять ссорам четырёх миллионов людей постоянно препятствовать органическому средству от болезней более чем сорока миллионов. Разделение Англии на Северную и Южную провинции, вероятно, потребуется, чтобы устранить факт преобладающего партнёра, но с точки зрения, принятой здесь, это разделение само по себе было бы хорошей вещью.Чтобы достичь поставленной цели, было бы недостаточно дать вашим провинциям лишь «газ и воду» полномочия; они должны быть так вовлечены в экономическую жизнь своих регионов, чтобы и хозяева, и рабочие основывали свои организации на Провинциальных Областях. Если каждая единица общества — Нация, Провинция, местность — имела бы право, более того, была бы желательна, чтобы предпринимать соответствующие шаги для поддержания полноты и баланса своей жизни, нужда в широко распространяющейся организации любого класса или интереса, кроме как в информационных целях, постепенно перестала бы быть острой.Рассмотрите жизнь деревьев. В лесах природы конкуренция сурова, и ни

одно дерево не достигает полной и сбалансированной роста, на который оно способно. Деревья среднего леса борются вверх к свету; те, что на опушке, распространяются в одну сторону; а в глубине чащи — всякого рода гниль и паразитизм. Если бы, как в мечте Данте, в деревьях были заключены духи, можно было бы представить лесную лигу листвы против корней за то, что они посылают вверх слишком много стволов, и лесную лигу корней против листвы за то, что они держат вдали сладкий свет и воздух. Но это были бы тщетные лиги, потому что каждое дерево состоит из корней и листвы. Ландшафтный Садовник цивилизации со своими органическими средствами один может достичь совершенной красоты деревьев. Он сажает их отдельно, чтобы они могли расти независимо, каждое согласно идеалу своего вида; он направляет саженец, обрезает молодое дерево и срезает болезнь со зрелого дерева. Так мы наслаждаемся одним из самых вдохновляющих зрелищ на земле — парком благородных деревьев, каждое полное и сбалансированное в своём росте. Только обезьяны и белки, которые прыгают с ветки на ветку, пострадали — неуловимые интернациональные эксплуататоры и спекулянты леса.Эта притча о Садовнике содержит также идею, что функции роста и контроля отдельны и должны держаться отдельно. Когда чиновники Государства становятся социалистическими и пытаются инициировать вместо того, чтобы просто обеспечивать рост, они становятся менее способными к своей собственной надлежащей функции, которая есть критика — понимающая и сочувствующая, но всё же критика. Темперамент критики несовместим с артистическим и формирующим энтузиазмом. У нас было слишком мало критики, основанной на постоянной бдительности в отношении признаков дисбаланса в росте. Британское Министерство Торговли под влиянием laissez-faire было так проникнуто целесообразностью ничего не делать, что оно не имело заметного механизма даже для наблюдения за тем, что делает Идущее Предприятие. Федеральные власти любого рода, будь то Лиги Наций или Наций, должны состоять по сути из оборонительных и наблюдательных департаментов, и наблюдательные департаменты должны выдавать предупреждения и повторять эти предупреждения, пока, таким образом просвещенное, общественное мнение в соответствующих местностях не вмешается, пока ещё есть время предотвратить какое-то чудовищное разрастание Идущего Предприятия, которое полностью нарушило бы равновесие мира или нации.

ГЛАВА VII

СВОБОДА ЛЮДЕЙ Из рассмотрения Реальностей, представленных географией нашего земного шара, мы пришли к выводу, что если Свобода Наций должна быть обеспечена, она должна опираться на разумное приближение к равенству ресурсов между определённым числом более крупных Наций. Мы также увидели, что, учитывая императивную Реальность Идущего Предприятия, необходимо, чтобы Нации контролировались в своём экономическом росте так, чтобы они не имели

тенденции выходить из-под контроля и сталкиваться.Но какое отношение имеют эти принципы к Свободе Мужчин и Женщин? Смогут ли свободные Нации в Лиге дать больше свободы своим гражданам? Конечно, мужчины, которые сражались, мужчины, которые вели наши корабли через опасности по морям, и матери и жёны, которые работали, ждали и оплакивали дома, не ищут лишь поражения опасности, которая угрожала; у них есть позитивные видения большего счастья в их собственной жизни или в жизни тех, кто им дорог.Давайте проанализируем с этой точки зрения последовательные стадии демократического идеализма, которые упоминались на открывающих страницах этой книги. Американская Декларация Независимости заявила для всех людей право на стремление к счастью. Французская Революция кристаллизовала эту фразу в одно слово — Свобода, и добавила Равенство, которое подразумевает контроль, и Братство, которое подразумевает самоконтроль. Братство является сущностью успешной демократии, высшим, но самым трудным из всех способов правления, поскольку оно требует больше всего от среднего гражданина. Это первый цикл демократической мысли; он относится прямо и очевидно к Свободе Мужчин.В середине XIX века начался второй цикл, который ставил целью Свободу Наций. Притязание Национальности состоит в праве местной группы людей совместно стремиться к счастью, со своими собственными способами контроля для обеспечения равенства среди них. Братское чувство нелегко достичь, если вы не были воспитаны вместе; отсюда роль, которую играет История в национальном чувстве. Но простая Национальность претендует лишь на право совместно стремиться к счастью; только когда мы доходим до Лиги Наций, мы продвигаемся к идеалу, который был продуман до стадии, эквивалентной великой трилогии Французской Революции. Некоторая степень контроля со стороны Лиги, несомненно, необходима, чтобы обеспечить равенство наций перед законом, и я верю, что в идеале сбалансированного развития каждой нации мы имеем самоконтроль, который подразумевается в братстве. Без сбалансированного развития нации наверняка приобретут особые голоды, будь то по небрежности или преступно, которые могут быть удовлетворены только за счет других наций. Другими словами, мы можем постоянно обеспечить равенство среди наций только контролем изнутри, а также извне. Но это подразумевает утверждение, что внутренняя политика должна вестись с оглядкой на её влияние на внешнюю политику — трюизм в поверхностном смысле, но несущий более глубокие последствия, чем обычно признаётся.Это несет, как я верю, среди прочего следующее последствие: поскольку нации являются местными обществами, их организация, если они хотят быть долговечными, должна основываться преимущественно на местных сообществах внутри них, а не на общенациональных «интересах». Это старая английская идея Палаты Общин. Слово «commons» идентично французскому слову «communes», обозначающему сообщества; Палата Сообществ — графств и городов — была бы истинным современным переводом. На деле рыцари и горожане Средних веков представляли сообщества гораздо более

полной и сбалансированной жизни, чем искусственно уравненные избирательные округа сегодняшнего дня.Если реальная организация Нации идёт по классам и интересам — а это альтернатива организации по местностям — то вполне неизбежно, что соответствующие классы в соседних нациях объединятся, и произойдёт то, что было описано как горизонтальное расщепление международного общества. К счастью, Вавилонская башня была началом определённых великих Идущих Предприятий, известных как Языки, и они препятствовали интернационализму. Но развитие современной борьбы между капиталом и трудом привело к использованию некоторых интернациональных фраз и слов, которые внесли несколько ключевых идей в общее обращение; они, к сожалению, соответствуют определенным социальным Реальностям, которые быстро набирали важность, когда на нас обрушилась эта Война.Международные комбайны капитала приобретали такую власть, что могли запугивать некоторые из меньших Государств мира, и они использовались Германией для целей проникновения, или, другими словами, чтобы разрушить экономический и социальный баланс соперничающих наций. Труд мог только последовать их примеру и также попытаться организоваться интернационально. Так пришла идея классовой войны между интернациональным пролетариатом и интернациональным капитализмом.Во время этой Войны мы приложили огромные усилия, чтобы разрушить интернациональную организацию Капитала. Должен ли теперь Труд повернуть вспять всё, что было достигнуто в этом отношении, упорствуя в интернациональной организации, которая возникла именно для правильной цели борьбы с Интернациональным Капиталом? Не меньше чем такое обращение подразумевается, если момент интернационально организованного труда станет мощным, ибо тогда возрождение Интернационального Капитализма станет неизбежным. Экономическая война, которая последует, могла бы закончиться только всеобщим большевизмом или победой одной из сторон, и эта сторона тогда стала бы реальным Правительством Мира — новой Империей организаторов.Если бы победил труд, вскоре было бы обнаружено, что организаторы Труда не отличаются от своих военных и капиталистических предшественников в существенном отношении: они цеплялись бы за власть и продолжали бы слепо организовывать, пока не были бы свергнуты новой революцией. Так колёса истории снова начали бы вращаться с теми же повторяющимися фазами беспорядка и тирании...

ГЛАВА VIII

СВОБОДА ЛЮДЕЙ (продолжение)... (продолжение предыдущей главы)Что такое бич нашей современной промышленной жизни? Конечно, монотонность — монотонность работы и мелкой социальной и общинной жизни. Неудивительно, что наши мужчины перед Войной находили убежище в ставках на футбол. Большинство ответственных решений зарезервировано за немногими, и эти

немногие даже не видны на своей работе, ибо они находятся вдали в крупных центрах.Что дало такую силу движению Национальности в последние два-три поколения? Национальность не имела большой силы в Средние века или, действительно, в Новое время до XIX века. Она возникла по мере того, как современные Государства не только увеличивались в размере, но также охватывали более широкие функции внутри Сообщества. Националистические движения основаны на беспокойстве интеллигентных молодых людей, которые желают простора, чтобы жить жизнью идей и быть среди тех, кто «может», потому что им позволяют делать.В старом греческом и в средневековом мире Общество было так свободно связано, что было много простора в любом значительном городе. Разве не этот факт делает историю городов такой интересной, пока мы не доходим до XVIII века, а затем такой банальной? Возьмите историю одного из наших более значительных британских городов и посмотрите, не правда ли это. Когда вы доходите до последних нескольких поколений, она становится просто статистикой материального роста; в лучшем случае город специализируется каким-то важным образом, но перестаёт быть полным организмом. Все его учреждения второго сорта, потому что его лучшие люди уехали...Почему Афины и Флоренция были чудесными источниками Цивилизации, которые сделали их учителями мира? Они были маленькими городами, как мы теперь считаем размер городов, но они были суверенными городами как в политическом, так и в экономическом смысле. Люди, которые пожимали руки на их улицах и чьи семьи вступали в браки, были не просто соперничающими мастерами в одной и той же отрасли или конкурирующими купцами на одной и той же бирже; каждая главная категория высшей человеческой деятельности была представлена в одном интимном кругу.Подумайте о выборе деятельностей, открытом способному молодому флорентийцу, который должен был практиковаться, помните, в и для его родного города, и без необходимости уезжать в какую-то далекую столицу. Вместо мэра он мог быть Премьер-министром; вместо капитана Территориальных войск он мог быть генералом, ведущим городские силы в actual битве — маленькой битве, без сомнения, но достаточной, чтобы дать полнейший простор активности его ума; если он был художником, скульптором или архитектором, он был бы занят на памятниках своего города...Вы совершенно уверены, что суть требования Гомруля в Ирландии, и в меньшей степени в Шотландии, не исходит главным образом от молодых людей, которые агитируют, хотя они полностью этого не осознают, за равенство возможностей, а не против предполагаемой порочности Англии? Богемцы достигли очень замечательного экономического процветания под австрийской тиранией, и всё же они сражаются за свою чехословацкую Национальность. Разве нет чего-то от той же человеческой истины в упрямстве цеховых старост на наших фабриках против Союзных Исполкомов вдали в лондонских офисах?Это принцип Laissez-faire сыграл такую опустошительную роль с нашей местной жизнью. Сто лет мы склонялись перед Идущим

Предприятием, как будто оно было непреодолимым Богом. Несомненно, это Реальность, но оно может быть согнуто к вашей службе, если у вас есть политика, вдохновленная идеалом. Laissez-faire не было такой политикой; это было просто сдачей судьбе.Рассмотрите рост Лондона. Население в миллион сто лет назад выросло до более чем семи миллионов сегодня... Таким образом получилось, что рыночные города в радиусе ста миль деградировали в отношении разнообразия своей жизни.Не в четырёх случаях из пяти лондонец получает какую-либо истинную пользу от изменения. Он живёт в пригороде; его пропускают через трубу в офисную комнату в Сити, а затем пропускают обратно в его спальню в пригороде; только по субботам и воскресеньям у него есть время для общинной жизни, и тогда он развлекается с соседями, которые связаны с ним ничем существенным...Централизация, однако, является только одной формой более общего процесса, который я назвал бы сегрегацией социальных и экономических функций вследствие национального фатализма в присутствии Идущего Предприятия.Эти идеи применимы не только к промышленности, но также к нашим образовательным учреждениям и учёным профессиям...Одна из самых серьёзных трудностей на пути реализации сбалансированного местного сообщества лежит в различии диалекта, на котором говорят простые люди и высшие классы...

ПОСТСКРИПТУМ

С тех пор как была написана эта книга, я участвовал в парламентских выборах в Шотландии, имея либерала и социалиста в качестве своих оппонентов. О либерализме сейчас ничего полезного сказать; стойкий индивидуализм всегда будет одним из элементов характера нашей британской расы, какова бы ни была судьба политической партии, которая была его выражением в XIX веке. Но постоянно повторяющаяся пропаганда социализма в настоящее время находится в очень значительной фазе. Простой бюрократический социализм был подвергнут критике недавними событиями; чем больше мы узнаём о работе доминирующего чиновничества во время Войны, тем менее вероятным, я думаю, мы пожелаем его иметь в качестве постоянного хозяина. Мой социалистический оппонент выступал за отъем собственности на землю и отмену процентов на капитал; другими словами, он хотел начать с конфискационной революции; но это не было сутью его позиции. Его сторонники — молодые люди с горящей верой в глазах, хотя часто и без полной способности выразить свой аргумент — на почти каждом собрании смело защищали русских большевиков. У большевизма есть две стороны: есть просто насилие и тирания якобинца, возникающие на определённой стадии большинства великих революций; и есть «синдикалистский» идеализм. Чтобы отдать им должное, именно последний аспект большевизма действительно привлекает и удерживает моих молодых шотландских противников. Большевики восстают против парламентаризма, основанного на местных сообществах или, как

они бы сказали, на многих социальных пирамидах, каждая с Капиталистом наверху. Их идеал — это федерация профессиональных советов или союзов — советов рабочих, крестьян и, если хотите, профессиональных людей. Поэтому большевики, как в Петрограде, так и в Берлине, последовательно выступали против созыва национальных собраний с целью выработки парламентских конституций по западной «буржуазной» модели. Их восстание направлено в сторону организации по интересам, а не по местностям. По причинам, изложенным в этой книге, такая организация, по моему убеждению, неизбежно приведёт к марксистской войне интернациональных классов, Пролетариата против Буржуазии, и наконец одной части Пролетариата против других частей — уже сейчас русские городские рабочие находятся в конфликте с русскими крестьянами. Конец мог бы быть только мировой анархией или мировой тиранией.Таким образом, я возвращаюсь в тишину своей библиотеки с убеждением, что то, что я написал, относится к горячим течениям реальной жизни в этом великом кризисе человечества. Наша старая английская концепция Палаты Общин или Сообществ, американская концепция Федерации Штатов и Провинций и новый идеал Лиги Наций — все они противостоят политике, отлитой в тиранических формах Восточной Европы и Хартленда, будь то Династической или Большевистской. Возможно, большевистская тирания является крайней реакцией на династическую тиранию, но тем не менее верно, что русские, прусские и венгерские равнины со своим широким единообразием социальных условий благоприятны как для марша милитаризма, так и для пропаганды синдикализма. Против этого двуглавого Орла сухопутной силы западники и островитяне должны бороться. Даже в своих собственных полуостровах и островах современные средства коммуникации так выравнивают естественные барьеры, что организация по интересам представляет реальную угрозу. В хартленде, где физические контрасты немногочисленны, только с помощью сознательного идеала, формирующего политическую жизнь в направлении национальностей, мы сможем укрепить истинную свободу. Хотя бы как основа для «проникновения» в этот опасный Хартленд, океанические народы должны стремиться всё более прочно укоренять свою собственную организацию по местностям, каждое местность с настолько полной и сбалансированной жизнью, насколько позволяют обстоятельства. Усилие должно идти вниз через провинции к городам. Ист-энды и Вест-энды делят наши города на касты; любой ценой мы должны сгладить такие контрасты. Сельская местность, в которой успешные лидеры visibly служат интересам своих более слабых братьев, должна быть нашим идеалом.Было время, когда человек обращался к своим «друзьям и соседям». У нас всё ещё есть наши друзья, но слишком часто они разбросаны по стране и принадлежат к нашему собственному касту в обществе. Или, если они случайно находятся рядом с нами, то не потому ли, что наш каст собрался отдельно в своём собственном квартале города? Так было в раннем Средневековье, когда нам говорят, что трое мужчин могли встретиться на рыночной площади —

один повинуясь римскому праву, другой обычаям франков, а третий — готов. Так обстоит дело сегодня в Индии с индуистом, магометанином и христианином. Так не было ни в четырнадцатом веке во Флоренции, ни в перикловых Афинах, ни в елизаветинской Англии.У слишком многих из нас в нашей городской и пригородной цивилизации это grand старое слово «Сосед» почти вышло из употребления. Именно за Соседство сегодня громко взывает мир и за отказ постоянно скитаться — просто из-за современных возможностей коммуникации. Давайте вернём себе владение собой, чтобы мы не стали просто рабами географии мира, эксплуатируемыми материалистическими организаторами. Соседство или братский долг по отношению к тем, кто является нашими сожителями, — это единственное надёжное основание счастливого гражданства. Его последствия распространяются вверх от города через провинцию к нации и к мировой лиге наций. Это лекарство как от трущоб бедных, так и от скуки богатых, и от войны между классами и войны между нациями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАМЕТКА ОБ ИНЦИДЕНТЕ В КА Д'ОРСЭ 25 ЯНВАРЯ 1919 ГОДА

Представители Союзных Наций собрались на втором пленарном заседании своей Конференции в Париже. Им была предложена резолюция о назначении комитетов для подготовки докладов по предложенной Лиге Наций и другим вопросам. Конституция комитетов, дающая по два члена каждой из Пяти Великих Держав (США, Британская Империя, Франция, Италия, Япония) и пять членов Малым Державам коллективно, была решена Советом Десяти, представляющим только Великие Державы, и эта конституция теперь была вынесена на пленарное заседание для одобрения. Неудивительно, что среди Малых Держав было недовольство. Сэр Роберт Борден от имени Канады спросил, кем и на каком основании была решена конституция комитетов; вопрос должен был быть вынесен на Конференцию. Делегаты Бельгии, Бразилии, Сербии, Греции, Португалии, Чехословакии, Румынии, Сиама и Китая по очереди поднимались, чтобы потребовать специального представительства для своих стран. Тогда Клемансо вмешался со своего председательского кресла, где он сидел между мистером Вильсоном и мистером Ллойд Джорджем. Он указал, что в момент прекращения военных действий Великие Державы имели двенадцать миллионов человек на поле битвы; что они могли бы решить будущее Мира по своей собственной инициативе; но что, вдохновлённые новыми идеалами, они пригласили Малые Державы сотрудничать с ними. Резолюция была принята, называя комитеты, без изменений.Таким образом, правление миром всё ещё опирается на силу, несмотря на юридическое предположение равенства между суверенными Государствами, великими или малыми. Тема этой книги — что мы должны основывать нашу предложенную Лигу на Реальностях, если хотим, чтобы она продержалась, — остаётся верной. Пусть будет также замечено, что число Великих Держав — пять

— точно равно общему числу довоенного Двойственного Союза (Тройственного только с Италией) и Тройственного Согласия, вражда между которыми вызвала Войну. Из этого следует, что мы сможем поддерживать нашу Лигу до тех пор, пока пять Держав, ныне союзных, продолжают соглашаться. Их числа недостаточно, чтобы предотвратить попытку господства со стороны одной или двух из них. Несомненно, новая Германия и новая Россия когда-нибудь увеличат их до семи. Возможно, Малые Державы, приняв к сведению голый факт, обнажённый этим инцидентом, начнут федерализироваться между собой. Скандинавская группа, группа Срединного Пояса Восточной Европы (от Польши до Югославии) и испано-южноамериканская группа (если не включая также Бразилию) — все они, возможно, достижимы. В любом случае Лига должна послужить тому, чтобы привести мнение человечества к справедливому пересмотру устаревших договоров, прежде чем они станут невыносимо неподходящими. Но давайте избавимся от кантов: Демократия должна считаться с Реальностью.

Конец книги.